

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Еще о черте. Максим Горький

Был у меня товарищ, – угаси, господи, пылкую душу его! Ибо зачем ей гореть там, у полярного круга, куда он уехал невольно?..

Угаси, господи, душу его! Огонь её ничего не осветит там, кроме пустыни, не растают снега пустынь от огня души его, и не исчезнут от него чёрные тучи тоски одиночества, яко исчезает дым от лица огня!

Был у меня товарищ, – молод он был в ту пору, когда погиб. Однажды он ехал ко мне в гости, но – он слишком любил прямые дороги, и вот, не заезжая ко мне, он прямо проехал туда, где живёт и теперь и откуда уже не воротится...

Он жил со старухой-матерью; ей было в то время шестьдесят три года, и смерть стояла за плечами у неё. Я ждал его. И в один и тот же день получил, с одной стороны, известие о том, что он уже не приедет ко мне, а с другой письмо от его матери, которая спрашивала меня, приехал ли он, просила меня беречь его душу и тело, писать ей – как мы с ним проводим время, как он чувствует себя...

Я прочитал это письмо и представил себе мать, как я знал её: больной, дряхлой, с кроткими глазами, горевшими только безмерной любовью к сыну... Весь смысл немощной жизни был в заботах о нём, в думах о его счастье...

"Сказать ей правду?" – спросил я себя...

...Есть правда, которая нужна человеку, она обжигает с его сердца грязь и пошлость пламенем стыда, – да здравствует!

И есть правда, которая, падая на голову человека, как камень, убивает в нём желание жить, – да погибнет!..

Если я скажу матери, что исчез навсегда для неё сын, в лучшем случае я – убью её сразу... Но если она не умрёт от этой подлой, страшной правды, исчезнет смысл её жизни, и последние дни её будут отравлены невыносимой болью, бесплодным страданием... Она двадцать восемь лет, полных труда и мучения, неустанно охраняла дни своего сына, и вот, пред смертью, у неё отняли единственное утешение – счастье знать, что сын её вырос, крепок и без матери, его опоры, может стойко бороться с жизнью и – она верит в это будет победителем... А я скажу ей – побеждён?!

Нет, я лучше солгу!..

И три месяца, вплоть до дня её смерти, я писал ей письма почерком её сына, начиная их словами:

"Моя милая, славная мама!.."

Она отвечала мне на них длинными посланиями, в которых доказывала необходимость ношения фуфаяк с большим красноречием и жаром, чем Лютер свои тезисы. Я говорил ей устами её сына о том, как счастливо и весело ему живется, подробно описывал его успехи в труде и в обществе, подчинялся за него её требованиям, соглашался с её советами, был нежен, внимателен, счастлив.

Она, ликуя, писала мне:

"Славный ты мой мальчик! Никогда ещё не был ты так мил и ласков, как теперь, в твоих письмах ко мне. Спасибо тебе, дорогой мой, за то, что ты обогащаешь последние дни мои сокровищами чистого сердца твоего".

Я усиливал яркость красок моей фантазии и писал ей о том, как хорошо жить, имея такую чудную, святую мать; она отвечала мне – как хорошо умирать, имея такого прекрасного, счастливого сына... И умерла она с верой, что её сын счастлив... Он же в это время сидел в тюрьме, где-то по дороге на далёкий север...

Вот какая славная история... Жаль только, что она – выдумана мною...

Читатель, и тебя, как умирающую старушку, я тоже обманул. Дело в том, что всё, что я рассказал тебе "о чёрте", – выдуманно мною и – клянусь! – в действительности ничего подобного не было. И даже чёрт, которого я представил тебе, – скверный чёрт, что, кстати сказать, уже видно и по его поступку с писателем. Подумай сам, разве порядочный чёрт, желая поглумиться над писателем, не нашёл бы ничего хуже, как именно показать ему его жену и её образ жизни после его смерти? Настоящий чёрт никогда не рискнёт своей старинной и прочной дружбой с женщиной, никогда он не позволит себе поставить её в неловкое положение пред кем-либо, а тем более пред её мужем, хотя бы и мёртвым...

Вот и всё... Я извиняюсь пред тобою, читатель, за мой обман, впредь обязуюсь быть правдивым, как солнце, и даже фантастические, святочные рассказы отныне буду писать, строго придерживаясь действительности. Я даже пойду дальше в моём желании быть правдивым пред тобою, – о читатель! – и здесь же подробно расскажу, что именно побудило меня покаяться в обмане...

Ты, конечно, знаешь, что среди пишущей братии есть люди, которые смешивают призвание писателя с ремеслом портного: употребляя перо своё, как иголку, они шьют из тканей вымысла костюмы для Правды, с целью скрыть её наготу. Существование таких писателей – необходимо, ибо для многих читателей Правда есть именно та единственная женщина, которую они не желают видеть голой, полагая, что Правда непременно стара и некрасива. Среди моих знакомых есть один такой писатель-костюмер; он пока ещё не написал ни строчки, но прекрасно понимает дух времени, и когда найдёт нужным, то напишет что-нибудь оптимистическое, успокоительное, как валерьяновые капли, с надеждами на будущее, со множеством цитат, не без холопства пред фактом и даже без тени оригинальности. Правда в этом произведении будет одета не только прилично, но и красиво, ибо мой знакомый – человек со вкусом.

Он на днях пришёл ко мне и начал говорить о разных интересных вещах. Помню, начал он с Адама. Он очень одобрил нашего общего папашу за то, что тот препоясал чресла и, таким образом, открыл принцип брюк. Потом он долго умилялся по поводу того факта, что на земле, – если посмотреть на неё внимательно, – мы не увидим ничего открытого: улицы покрыты грязью и пылью, долины – травой, вершины гор – снегом, даже небо часто покрывается тучами и каждые сутки – ночью тьмой.

– Сколько мудрости в природе! – воскликнул он по этому поводу.

Затем он говорил о людях: "Мы видим, что и они тоже всегда чем-нибудь прикрыты и что-нибудь прикрывают". Следовал ряд доказательств мудрости людей... я, право, не помню этих доказательств, но, кажется, он приводил в пример женщин, которые, дескать, всегда прикрывают траурными платьями свою радость по поводу смерти их мужей, а также ссылался на журналистов, всегда прикрывающих цитатами из чужих произведений отсутствие своих мыслей и слов...

Так как мне было скучно слушать его, я с ним всё соглашался, ожидая, что от этого и ему тоже будет скучно.

– Наконец, посмотрите! – сказал он, указывая на шторы, – мы укрываемся даже от солнца! И – о какая дивная гармония укрывательства! Само солнце прикрывает пятнами ослепительный блеск своих лучей...

Тут он пришёл в восторг, а я подумал о нём: "Не совершил ли он от избытка своего доверия к людям и от убеждения в их мудрости чего-нибудь мерзкого и не нуждается ли в укрывателе?" Но оказалось нечто совершенно иное.

– Как видите, государь мой, вся вселенная, от былинки и до солнца, нуждается в покровах. Что вы на это скажете?

– Это... очень забавно! – сказал я.

– Ага! Ну-с, объясните же мне теперь – зачем вы написали "о чёрте"?

Если б меня вдруг сделали министром финансов, я, наверное, изумился бы менее, чем при этом странном вопросе.

– Не смотрите на меня круглыми глазами, – сказал он. – Не притворяйтесь

Еще о черте. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
изумлённым. Я безусловно осуждаю ваш поступок. В наше время, батенька мой, каждый порядочный человек стремится быть феминистом, даже и в том случае, если он женат. А вы вдруг показываете женщину в таком... несимпатичном освещении. Это – вообще, а в частности – та женщина, о которой вы писали, совершенно не заслуживает нарекания. Она права-с! Да! Она – права! Она в течение его трудовой жизни терпела вместе с ним и холод и голод... все лишения! Вот, наконец, он – умер. Ну что же? Мы все умрём... одни прежде своего времени, другие – быть может, запоздадут, но – поверьте! – мы все умрём!

Я верил ему, молча кивая головой, и чувствовал себя очень скверно.

– И вот – он умер! А она, после его смерти, отдав ему всю свою молодость, все силы свои, наконец, получила возможность сносно жить на деньги, вырученные от продажи его...

– Кто – она? – с ужасом спросил я.

– Та, жена писателя, которую вы изобразили... не притворяйтесь!

– Но ведь я выдумал её! Ведь это только мой святочный рассказ...

– О! Вы прекрасно знаете, в чём дело...

– И действительно – она существует?

– Ну, разумеется!

– И... и за приказчиком замужем?

– Не за приказчиком, а, кажется, за маркёром... но это ничего не изменяет...

– Ах! Ничуть... ничуть, чёрт бы меня взял!

– Вам не стыдно, а?

– Но, послушайте! Ей-богу же, это только случайное совпадение... я фантазировал и – только!

– Вы фантазировали? В это я не верю. Но предположим, что – да, вы только фантазировали. Как же вы решаетесь фантазировать до такой степени неудачно, что ваши фантазии совпадают с действительностью? Знаете ли вы, что в публике говорят, будто вы написали свой рассказ о чёрте по заказу и внушению литературного фонда, который хочет добиться, чтоб все писатели отказывали право на издание их сочинений ему, фонду, а не жёнам и детям? Знаете ли вы, что публика тоже любит фантазировать и что она фантазирует всегда охотнее, чем думает?

Я долго уверял его, что история "о чёрте" только плод моей фантазии, но он не верил мне. Потом, кажется, поверил. И это он научил меня извиниться перед тобою, питатель, в моём невольном обмане и рассказать о настоящем, порядочном чёрте...

Я извинился. Теперь я хочу рассказать о добром чёрте. Клянусь, что буду строго придерживаться фактов, а существование доброго чёрта подтверждается Лесажем и китайской легендой о Цин-гиу-тонге.

Всё это произошло в ночь накануне крещенья. Стояла оттепель; белый, как молоко, густой туман наполнял улицы, скрывая дома друг от друга и пряча в покровках своих всё – и хорошее и дурное. Вокруг фонарей, окутанных туманом, образовались мутные пятна призрачного света, и – без лучей, без движения – они стояли в воздухе, не освещая земли. Душные, мутные волны наводили уныние своей мёртвой неподвижностью; люди являлись и исчезали в них, как призраки; все звуки, казалось, отсырели, были сдавлены, и даже удары колокола, тяжёлые от влаги, впитанной ими в себя, бессильно и быстро тонули в тумане, ничего никому не сказав...

– О тоска, моя нимфа Эгерия! Как я рад, что опять бодрый холод объятий твоих

Еще о черте. Максим Горький gorkiy.mos.ru
освежает усталую душу мою! Как грозовая туча в летний зной поит благодатною влагой эту бедную землю, всегда жаждущую цветов, так и ты – о тоска! – увлажяешь одинокое сердце моё, и от свежести твоего веяния расцветают в нем цветы ненависти моей к этой туманной, полумёртвой жизни, к этим бездушным людям, покорным рабам её.

Это говорил чёрт, и из слов его всякий пронизательный человек сразу же, разумеется, увидит, что чёрт был декадент и нищенианец, – стало быть, не только действительно существующий, но и самый модный чёрт. Он шёл в тумане по улице и искал дом, над входом в который не было бы креста, начертанного мелом.

"Как скверно стало на земле, – думал он. – Мне совершенно нечего делать на ней – нет ни души, достойной внимания. Убийственно бездарны стали люди, до тошноты неинтересны и мелки... Особенно теперь, когда среди них с новой силой расцветает проповедь личного самоусовершенствования и борьбы со страстями. Глупцы! Они думают, что ещё имеют страсти, когда в них остались одни похоти... Но вот форточка, не ограждённая крестом от моего визита, войду! Может быть, увижу что-нибудь интересное..."

Чёрт превратился в снежинку и, влетев через форточку в комнату, бесшумно упал на подоконник.

У окна стоял стол, а за столом сидел Иван Иванович Иванов. По душевному складу своему это был человек "интеллигентный", а профессией его было стремление к достижению духовного совершенства, которое он и внедрял в себя ежесуточно путём продолжительных бесед со знакомыми и посредством чтения душеполезных книг. Так как всё это происходило в последний день святок, Иван Иванович, сидя за столом, подводил итоги пережитого за истекшие две недели и был погружён в самого себя. Человек, занятый самосозерцанием, всегда несколько похож, с одной стороны, на Нарцисса, с другой – на муху в патоке; по этой причине Иван Иванович не заметил ни снежинки, влетевшей в форточку, ни того, как она превратилась в маленького чёртика.

Закрыв глаза, Иван Иванович с унынием всматривался в картинку, которую он видел однажды в каком-то журнале и теперь восстановил в своей памяти: картинка изображала огромного спрута, который пожирал рака, крепко обняв его своими щупальцами.

"Вот и я, – думал Иван Иванович, – вот и я – как этот рак, а жизнь, как спрут, высасывает из меня мои соки. Я стремлюсь побороть её тлетворное влияние, я хочу победить мои страсти, а она своими цепкими и страшными щупальцами хватает меня и влечёт туда, где кипят вакхические оргии, где в человеке пробуждается животное, где гаснет в нём всё чистое... Я должен бы посвящать все силы мои, весь мой ум на дело воспитания из себя личности отзывчивой, как эхо, на все... благородные, возвышающие душу впечатления бытия... я должен бы быть мужественным защитником моих прав, попранных прав личности... и вместо всего этого... я три раза был в маскарade... был в ресторане и даже... унизил женщину!.."

...Положим, она – хороша! Боже, как она хороша!.. Но всё-таки она жена другого... Чужая жена... как это низко с моей стороны!

... Хотя, впрочем, она не совсем чужая мне... она жена Егора, а Егор мой старый товарищ, мой задушевный друг... да-а! Быть может, это обстоятельство несколько сглаживает мою вину, но всё-таки, всё-таки!.. Хорошо ещё, что я всегда сознаю свои пороки, это поднимает меня в своих глазах... это очень утешительно!.. Но-о, чёрт! если б я мог вырвать страсти из своего сердца!"

– Вы попробуйте, – раздался вежливый голос. – Если угодно – я могу помочь вам в этом...

Иван Иванович быстро поднял голову и вздрогнул, – при виде чёрта всегда вздрагиваешь.

– Извините... я не заметил, когда вы вошли... Если не ошибаюсь – имею честь видеть... чёрта?

– Именно, – сказал чёрт.

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Гм... гм... чему обязан удовольствием?..

- Да просто я зашёл к вам от нечего делать. Ведь сегодня - вы знаете? - канун крещенья, и нас, чертей, в этот день отовсюду изгоняют. На улице туман, сырость... скверная зима в этом году! И вот я, зная вас за человека гуманного...

Иван Иванович был смущён. Он никогда не относился серьёзно к вопросу о бытии чёрта и теперь, при виде его, чувствовал себя виноватым пред ним.

- Я... очень рад! - говорил он, растерянно улыбаясь. - Вам, может быть, неловко на подоконнике? Прошу вас...

- О, не беспокойтесь! Я, как и вы, очень быстро привыкаю ко всякому положению, как бы оно ни было неудобно.

- Мм... очень приятно! - сказал Иван Иванович и подумал про себя: "Однако он... грубоват... или, вернее - фамильярен".

- Вы, кажется, выразили желание почистить себе сердце, а?

- Н-да... знаете, человек, несмотря на прогресс ума, всё ещё слаб в борьбе со страстями... Но - простите! если я не ослышался, вы предложили мне свою помощь в этом... предприятии?

- Предложил и повторяю - готов служить вам!

- Но ведь это - против вашей специальности? - удивился человек.

- Э, Иван Иванович! - воскликнул чёрт, бесшабашно махнув рукой. - Вы думаете, не надоела мне моя специальность?

- Да?

- Ещё бы! Даже человеку порой надоела делать всё только пакости, и он иногда искренно кается...

"А что если я приму его помощь? - думал Иван Иванович. - Он, наверное, может сделать меня совершенным. Вот будут поражены мои знакомые..."

- Так скажите мне, что вас стесняет? - настаивал чёрт.

- Но... э... видите ли... ведь это, должно быть, очень болезненная операция?

- Только для твёрдых сердцем, для тех, у кого чувства цельны и глубоко вросли в сердце.

- А я?

- У вас - вы извините, ведь я являюсь как бы доктором, - у вас сердце мягкое, такое, знаете... дряблое, как переросшая редиска, например. Когда я буду извлекать из него стесняющие вас страсти, вы почувствуете то же, что чувствует курица, когда у неё выдёргивают перья из хвоста...

Иван Иванович задумался и, подумав, спросил:

- А позвольте узнать, вы за вашу... услугу потребуете мою душу?

Чёрт вскочил с подоконника на пол и, тревожно махая лапками, заговорил:

- Душу? О, нет! Нет, пожалуйста... мне не надо... Помилуйте?! Куда мне её? Извините! я хотел сказать - на что её мне? Ах, не то, не то! Я хотел сказать...

Иван Иванович смотрел, как чёрт суетился, и чувствовал себя обиженным.

- Я потому спросил об этом, что вообще вами принято...

- Это было раньше, когда существовали здоровые, крупные души...

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Вы как будто пренебрегаете моей душой...
- О, нет! Но я... я просто хочу быть бескорыстным сегодня... И потом, согласитесь, разве мне не интересно видеть совершенного человека?
- Гм... Так вы говорите, что это не больно и не опасно?
- Уверяю вас! При моей помощи достижение совершенства вам совсем ничего не будет стоить... Да вот не угодно ли, извлечём из вашего сердца что-нибудь на пробу?
- П...пожалуй...
- И прекрасно! Что всего более отягощает вас?

Иван Иванович задумался. Очень трудно сказать сразу, которая из наших страстишек любезна нам менее других.

- Нет, уж вы, пожалуйста, начинайте с маленького.
- Мне всё равно... с чего прикажете?

Иван Иванович опять замолчал. Хотя он и часто разбирался в душе своей, но от этого, - а может быть, поэтому именно, - в ней царил полнейший хаос: всё в ней было скомкано, перепутано... и, как усиленно ни ворошил он теперь её содержимое, не мог он найти в ней ни одного чувства определённого, цельного, чистого от посторонних примесей.

Чёрт устал ждать и предложил ему:

- Давайте выдернем из вашего сердца честолюбие: оно ведь небольшое у вас...
- Ну, хорошо! - сказал Иван Иванович со вздохом, - вытаскивайте его из меня...

Чёрт приблизился к нему и, коснувшись рукой его груди, быстро отдернул руку прочь. Иван Иванович почувствовал острое, но приятное колотье, похожее на то, каким сопровождается извлечение заноз из пальца.

- А ведь в самом деле это не больно... - облегчённо сказал Иван Иванович. - Позвольте взглянуть, какое у меня было честолюбие-то...

. Чёрт протянул ему руку, и на ладони её Иван Иванович увидел нечто бесцветное, маленькое, сморщенное, похожее на тряпичку, которой долго вытирали пыль.

Посмотрел Иван Иванович на своё честолюбие и, вздохнув, тихонько сказал:

- А знаете... как вспомнишь, что это всё-таки кусок моего сердца... жалко!
- Не желаете ли, я извлеку из вас и жалость?
- Н-н... как же я буду без неё?
- Какая в ней польза?
- Ну, знаете, это хорошее человеческое чувство...
- Ну, а что вы скажете о злобе?
- Вот эту - вон! Вот эту - к чёрту! О, извините...
- Ничего... не беспокойтесь...

Чёрт снова коснулся груди Ивана Ивановича, и снова человек почувствовал укол. И снова на ладони чёрта лежало что-то, издававшее кислый запах и похожее на тряпочку...

- Н-да, - сказал Иван Иванович, сморщив нос, - вон она какая у меня... в натуральном-то виде...

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- К ней много примешано трусости, - сказал чёрт.
- Вон что... ГМ... Но скажите, пожалуйста, отчего это у всех моих чувств такое... студенеобразное строение? Точно медузы...
- Судьба уж ваша такая, добрейший Иван Иванович, - сказал чёрт и брезгливо сбросил с ладони на пол кусок сердца своего пациента.
- А я себя уже начинаю чувствовать как-то особенно, - сообщил Иван Иванович, прислушиваясь к биению своего сердца.
- Приятно?
- Легче... просторнее стало в груди...
- Продолжать операцию?
- Я... не прочь...
- Что у вас есть ещё?
- Да... разное... вообще всё то, что имеется у людей...
- Гнев, например?
- О, да! Конечно... гнев, да... То есть, собственно говоря, не совсем это гнев... а, знаете... этакая нервозность... раздражение... очень беспокойное чувство!
- Убрать?
- Разумеется! Но только осторожнее, пожалуйста... У меня там всё немножко спутано... Вот, когда вы выдёргивали злобу, я почувствовал, как во мне шевельнулся стыд за неё...
- Это естественно, - сказал чёрт, - даже мне, при виде ваших чувств, стыдно за вас становится... очень уж вы неопрятно содержите сердце-то ваше...
- Что же, разве я виноват в этом? - возразил Иван Иванович. - Ведь сердце - не зубы: его щёткой с мелом не вычистишь...
- И в этом есть правда... Ну-с, так я оперирую?
- Я готов...

И третий раз чёрт коснулся своей рукою груди Ивана Ивановича.

Но когда он отёрнул её - на руке у него оказалась целая грудка какой-то легковесной и совершенно неопределённой мешанины. Она не имела никакой формы, пахла чем-то затхлым и была окрашена в два цвета: в тот зеленовато-серый, который свойствен недозрелым плодам, и в тот тёмно-бурый, который они принимают, когда загниют.

Чёрт держал эту студенеобразную, дрожащую массу в пригоршнях и с недоумением смотрел на неё, стараясь определить - что это такое?

- Н...ну, Иван Иванович, - смущённо говорил он, не глядя на своего пациента, - извлёк я из вас что-то... но что? Н-не знаю... Этакое сокровища скопили вы в сердце своём за тридцать-то лет жизни! Тут, я думаю, ни один химик ничего не разберёт... Но полагаю, что теперь, освободившись от всей этой... дряни, вы будете чисты, как ангел... Экий я ловкий ассенизатор, а? И не подозревал в себе такого искусства... Ну, что же теперь? Поздравляю вас, Иван Иванович, с очищением души... с достижением совершенства или как там? Надеюсь, теперь вы уже совершенно совершенны?

Тут чёрт бросил на пол содержание сердца своего пациента, взглянул на Ивана Ивановича и - обомлел.

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Иван Иванович весь как-то обвис, ослаб, изломался, точно из него вынули все кости. Он сидел в кресле с раскрытым ртом, и на лице его сияло то неизъяснимое словами блаженство, которое всего более свойственно прирожденным идиотам.

- Иван Иванович! - крикнул чёрт, тронув его за рукав.

- А...

- Что с вами?

- О...

- Вы что-нибудь чувствуете?

- Э...

- Вам дурно?

- О...

- Вот так святочное происшествие! - воскликнул растерянно чёрт. Неужели я это из него всю суть извлек? Иван Иванович!

- А...

- Так и есть! Одни междометия остались в человеке, да и то без всякого содержания... Что мне с ним делать?

Чёрт постукал Ивана Ивановича в грудь - она издала звук пустого бочонка; он постучал пальцем в его голову - она тоже была пуста.

- Вот те и совершенный человек! Ах ты - бедняга! Опустошил я тебя... Но разве ж я знал, что ты был так скверно наполнен? Но что же однако дальше?

Чёрт задумался, глядя на неподвижное, блаженное лицо человека, достигшего цели своей.

- Ба! - воскликнул он, щелкнув пальцами. - Вот идея! И сатана будет очень доволен... я славно придумал! Сначала я немножко просушу сие совершенство, а потом насыплю в него гороху... И из него выйдет преоригинальная погремушка для забавы сатаны...

Чёрт поднял Ивана Ивановича с кресла, свернул его в комок и, взяв подмышку, исчез из комнаты...

Туман уже рассеялся, и в окна бледными очами смотрело печальное зимнее утро... С улицы в пустую комнату доносился торжественно-тихий звук благовеста - и вздыхал и таял в ней... 1899 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые напечатано в журнале "Жизнь", 1899, книга вторая, февраль, с цензурным изъятием- первой главы (от слов: "Был у меня товарищ" и до слов: "...выдумана мною").

С восстановлением изъятого цензурой текста рассказ включался во все собрания сочинений

Печатается по тексту, подготовленному М. Горьким для собрания сочинений в издании "Книга".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Еще о черте. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!